
Памяти преосвященнѣйшаго епископа Іоанна (Кратирова).

Въ Москвѣ, въ ставропигіальномъ Симоновомъ монастырѣ, мирно почилъ о Господѣ 12 февраля текущаго года на 70-мъ году отъ рожденія преосвященнѣйшій Іоаннъ, бывшій епископъ Саратовскій и Царицинскій, ректоръ С.-Петербургской духовной академіи. Покойный принадлежалъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ іерарховъ отечественной церкви, хотя и не оставилъ послѣ себя специальныхъ ученыхъ трудовъ. Обѣ столичныя духовныя академіи—Петербургская и Московская имѣли его своимъ почетнымъ членомъ. Широко извѣстенъ онъ и какъ опытный, твердый, мудрый администраторъ и какъ человѣкъ добрѣйшей и правдолюбившей души. Всѣ эти высокія качества съ рѣдкою гармоничностію объединялись въ величавомъ образѣ почившаго. Всѣ, которые по тѣмъ или другимъ поводамъ и обстоятельствамъ имѣли личныя и непосредственныя сношенія и бесѣды съ нимъ, сразу видѣли и чувствовали въ почившемъ іерархѣ, простомъ въ обращеніи, откровенномъ и прямо въ рѣчи, достоинѣйшаго носителя архипастырскаго сана, высокій умственный и нравственный христіанскій авторитетъ, у котораго было чему поучиться. Пишущій эти строки и самъ это и испыталъ, видѣлъ то же и на опытѣ многихъ другихъ лицъ разныхъ общественныхъ положеній. При отличныхъ природныхъ дарованіяхъ, почившій самъ предварительно прошелъ хорошую жизненную школу, сдѣлавшую его мужемъ опыта и разума, почему и могъ руководить и дѣйствительно руководилъ жизнью лицъ и учрежденій, ввѣрившихся его руководительству.

Преосвященнѣйшій Іоаннъ, въ мірѣ Іванъ Александро-

вичъ Кратировъ,—уроженецъ Вологодской епархіи (род. въ 1839 году, 27 іюля) сынъ сельскаго священника Тотемскаго уѣзда, скончавшагося въ санѣ протоіерея—настоятеля собора въ г. Кадниковѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ Тотемскомъ духовномъ училищѣ, и затѣмъ въ Вологодской духовной семинаріи. По окончаніи курса въ послѣдней, (въ 1860 г.) отправленъ былъ, какъ лучшій изъ воспитанниковъ по успѣхамъ и поведенію, для поступленія въ Московскую духовную академію, гдѣ въ 1864 году окончилъ, въ составѣ XXIV-го курса со степенью магистра богословія ¹⁾. Въ томъ же году (9 ноября) онъ назначенъ былъ преподавателемъ церковно-историческихъ наукъ въ родную ему, Вологодскую семинарію. Однако служба его здѣсь продолжалась недолго. Черезъ два года (въ 1866 г.) онъ, будучи уже женатымъ, по собственному желанію былъ назначенъ преподавателемъ тѣхъ же наукъ въ Ярославскую духовную семинарію, гдѣ занималъ и должность помощника инспектора. Черезъ четыре года (въ 1870 г.), состоялось избраніе и утвержденіе его въ должности секретаря совѣта и правленія Московской духовной академіи, въ каковой онъ состоялъ 12 лѣтъ. Оставшіеся въ живыхъ бывшіе воспитанники Ярославской и Вологодской семинаріи, слушавшіе уроки И. А. Кратирова, сохраняютъ добрую память объ его преподаваніи и отношеніяхъ къ учащимся. И самъ почившій иногда рассказывалъ о проявленіяхъ расположенія и уваженія къ нему со стороны учащихся, въ бытность его преподавателемъ двухъ сосѣднихъ сѣверныхъ семинарій.

Прямая обязанность академическаго секретаря сводится къ составленію журналовъ совѣта и правленія академіи, изготовленію представленій и отношеній разнымъ учрежденіямъ и лицамъ, веденію переписки по текущимъ дѣламъ. На первый взглядъ можетъ казаться, что все это дѣло маловажное, не существенное для ученаго учрежденія. На самомъ дѣлѣ однако это не совсѣмъ такъ. Неумѣло или неловко состав-

1) Въ составѣ XXIV курса (1860—1864 г.) входило 43 студента. Изъ нихъ со степенью магистра окончило 19 человекъ (И. А. Кратировъ) значится въ спискахъ магистровъ подъ № 9), остальные—со степенью кандидата. Въ числѣ его товарищей по курсу—магистровъ значатся бывшіе потомъ профессорами Московской академіи Д. Ѳ. Каспичъ и П. П. Казанскій.

ленное представленіе или постановленіе, иногда одно неосторожное въ нихъ выраженіе, влекутъ нерѣдко весьма важныя по своимъ послѣдствіямъ недоразумѣнія между лицами и учрежденіями, отказы въ удовлетвореніи просьбъ и ходатайствъ; и напротивъ, хорошо выраженное по острымъ вопросамъ постановленіе иногда предупреждаетъ крупныя внутреннія недоразумѣнія въ корпораціи, полнота справокъ съ закономъ—неправильныя постановленія и дѣйствія. Во многихъ и важныхъ случаяхъ хорошій секретарь—то же, что хорошій адвокатъ въ сложномъ судебномъ искѣ или процессѣ. Ректора академіи, при которыхъ служилъ И. А. Кратировъ, такимъ хорошимъ секретаремъ его и признавали, называя его иногда въ своемъ кругу „нашимъ министромъ“ или „министромъ духовныхъ дѣлъ“. Онъ быстро усвоилъ технику дѣлопроизводства, основательно и широко познакомился съ законодательствомъ, (а не съ уставомъ лишь только академій и распоряженіями по духовному вѣдомству), и приобрѣлъ навыкъ съ рѣдкою точностію и соответствующимъ языкомъ вести академическую переписку. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и печатные протоколы совѣта академіи за время его секретарства. При этомъ его отличала чрезвычайная, можно сказать методическая аккуратность въ исполненіи секретарскихъ обязанностей, какъ это было впрочемъ и въ послѣдующее время.

Служба при академіи и общеніе съ академическими профессорами, изъ которыхъ со многими Иванъ Александровичъ былъ особенно близокъ, давали ему возможность слѣдить за развитіемъ богословской науки, со всѣми возникавшими въ ней теченіями и новыми трудами, и онъ этимъ широко пользовался. У него имѣлась и своя довольно многоготовная бібліотека, и не изъ неразрѣзанныхъ и нечитанныхъ книгъ. Съ дальнѣйшими служебными его передвиженіями, она покойнымъ была раздарена разнымъ лицамъ въ значительной своей части.

Въ 1883 году послѣдовало существенное измѣненіе въ служебномъ положеніи И. А. Кратирова. И до этого времени, въ бытность его секретаремъ академіи, ему дѣлаемы были предложенія занять болѣе высокое служебное положеніе. Такъ, при графѣ Д. А. Толстомъ, какъ самъ покойный говорилъ, ему предлагалось перейти на службу въ Петер-

бургъ въ канцелярію оберъ-прокурора Св. Синода, или занять при немъ первоначально должность чиновника особыхъ порученій. Но свыкшись съ академію и чуждый честолюбія и искательства, онъ отклонялъ подобныя предложенія. Были также предложенія изъ нѣсколькихъ подмосковныхъ видныхъ семинарій, при дѣйствиі тогда еще выборнаго начала, баллотироваться на должность ректора семинаріи; но и этого рода предложенія онъ также безъ колебаній и рѣшительно всякій разъ отклонялъ. Но въ 1883 году послѣдовало настойчивое приглашеніе И. А. Кратирова со стороны преосвященнаго Харьковскаго Амвросія занять должность ректора Харьковской семинаріи. Преосвященный Амвросій (назначенъ въ Харьковъ 15 сент. 1882 г.) искалъ на эту должность челоувѣка выдающагося,—не только опытнаго и твердаго администратора, но и челоувѣка широко просвѣщеннаго, имѣющаго вмѣстѣ съ этимъ связи и общеніе съ ученымъ міромъ, въ лицѣ особенно профессоровъ духовныхъ академій. Такой кандидатъ нуженъ былъ по разнообразнымъ и весьма основательнымъ причинамъ: частію въ виду того состоянія семинаріи, въ какомъ нашелъ ее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преосвященный Амвросій при своемъ вступленіи на Харьковскую кафедру, частію въ виду университетскаго положенія самого города, частію потому, что на ректора семинаріи предполагалось возложить обязанности редактора новаго богословско-философскаго журнала, изданіе котораго преосвященнымъ Амвросіемъ предположено было начать съ 1884 года, т. е. журнала „Вѣра и Разумъ“. Въ лицѣ И. А. Кратирова преосвященный Амвросій видѣлъ кандидата, отвѣчающаго всѣмъ этимъ требованіямъ, „добраго и усерднаго сотрудника“ себѣ, какъ потомъ выразился по одному особенному поводу самъ покойный Харьковскій архипастырь, любившій точность выраженій. Какъ такого надежнаго и достойнаго кандидата, рекомендовали И. А. Кратирова преосвященному Амвросію и академическое начальство и профессора. Предложеніе это И. А. Кратировъ, склоняемый и своими академическими друзьями, обѣщавшими ему свою помощь въ изданіи журнала, пріянялъ, хотя не безъ колебаній. По рукоположеніи во священника и возведеніи въ санъ протоіерея преосвященнѣйшимъ Алексіемъ, тогдашнимъ викаріемъ Москов-

скимъ ¹⁾, къ началу 188³/₄ уч. года И. А. Кратировъ вступилъ въ должность ректора Харьковской духовной семинаріи, въ которой и состоялъ десять лѣтъ. Съ ректорствомъ на него-же (съ 1884 г.) возложены были обязанности председателя Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта и редактора журнала „Вѣра и Разумъ“. Каждая изъ этихъ должностей требовала не малаго напряженія силъ, времени, такта, хлопотъ, сношеній письменныхъ и личныхъ съ разными лицами и учрежденіями; но покойный съ честію выполнялъ всѣ соединенныя съ этими должностями обязанности.

Какъ ректоръ семинаріи, протоіерей И. А. Кратировъ много потрудился въ пользу ввѣренной ему семинаріи и создалъ ей преимущественное въ ряду другихъ семинарій положеніе. Въ короткое сравнительно время пошатнувшіяся въ семинаріи учебно-воспитательное дѣло и дисциплина поставлены были имъ на должную высоту. Исходя изъ убѣжденія, что дѣло обученія и воспитанія и дисциплина могутъ быть надлежащимъ образомъ поставлены въ учебномъ заведеніи, особенно съ 350—450 учащихся, лишь при условіи убѣжденно-согласнаго, единодушнаго и послѣдовательнаго дѣйствованія всей учебно-воспитательной корпораціи заведенія, а разрозненными и разъединенными силами нельзя достигнуть прочныхъ и добрыхъ плодовъ, онъ объединилъ всю корпорацію въ ея учебно-воспитательныхъ воздѣйствіяхъ на учащихся и всѣхъ членовъ ея привлечь къ этому дѣлу. Всѣ важныя педагогическіе вопросы, успѣхи и поведеніе учениковъ, въ

---

¹⁾ Въ мірѣ А. Θ. Лавровъ, бывший профессоръ Моск. духовной академіи, почившій въ санѣ архіепископа Виленскаго. Съ И. А. Кратировымъ онъ былъ въ весьма дружескихъ отношеніяхъ. Они переписывались другъ съ другомъ до самой кончины преосв. Алексія. Въ канікулярное время И. А. Кратировъ иногда путешествовалъ изъ Харькова въ Вильно къ преосв. Алексію. Между прочимъ, покойный преосв. Іоаннъ рассказывалъ о своемъ посвященіи, что пока совершалась хиротонія его во діакона и священника, соборный московскій клиръ обращался съ нимъ не особенно вѣжливо, — понуждалъ и „поталкиваніями“ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ и движеніямъ, очевидно, какъ привыкъ къ этому при хиротоніи рядовыхъ ставленниковъ. Возведеніе въ протоіерей этого ставленника было неожиданностію для членовъ клира, и вызвало въ нихъ смущеніе... За свои „труды“, однако, они получили „благодарность“ по дѣйствовавшему обычаю...

Бытность его ректоромъ были рѣшаемы на общихъ педагогическихъ собраніяхъ, съ участіемъ всѣхъ преподавателей, а не однихъ лишь трехъ членовъ педагогическихъ собраній изъ преподавателей, назначаемыхъ епархіальнымъ архіереемъ ¹⁾. Преподаватели—не члены только лишь не подписывали журналовъ правленія, а голосъ подавали всегда открыто и онъ имѣлъ полную силу. Состоявшіяся постановленія не перерѣшались и не измѣнялись административно-канцелярскимъ способомъ, ибо въ самомъ же засѣданіи предсѣдатель умѣлъ съ рѣдкою точностію, съ соблюденіемъ всѣхъ нужныхъ отгѣнковъ и приведеніемъ основаній, при полномъ вниманіи къ дѣйствовавшимъ законоположеніямъ и распоряженіямъ по духовному вѣдомству, формулировать постановленія. Въ этомъ случаѣ обнаруживался имъ опытъ и навыкъ къ языку оффиціального дѣлопроизводства, приобретенный въ должности секретаря совѣта академіи. Послѣдствія такого порядка были самыя добрыя въ разнообразныхъ отношеніяхъ, особенно же способствовали возвышенію учебнаго дѣла и дисциплины въ семинаріи и авторитета преподавателя въ сознаніи учащихся. Той же цѣли способствовало привлеченіе каждаго изъ преподавателей къ точному исполненію своего долга. Въ этомъ отношеніи самъ ректоръ былъ

---

¹⁾ Въ § 92 Уст. дух. семин. 1884 г. говорится: „въ педагогическихъ собраніяхъ присутствуютъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, инспекторы, три члена изъ преподавателей, назначаемые епархіальнымъ архіереемъ, и два члена изъ епархіальныхъ священнослужителей, избираемые духовенствомъ, съ утвержденія мѣстнаго преосвященнаго, на три года“. Въ настоящее время этотъ § устава частію измѣненъ, частію отмѣненъ. Нынѣ всѣ преподаватели и члены инспекціи должны участвовать въ засѣданіяхъ, съ правомъ голоса и подписывать состоявшіяся постановленія правленія. Но до узаконенія этого новаго порядка, какъ намъ извѣстно, очень многіе ректора старательно набѣгали приглашать всю семинарскую корпорацію на засѣданія, даже въ неотложныхъ случаяхъ. Формальное основаніе для этого заключалось въ уставѣ, а скрытая причина—въ опасеніи справедливыхъ разоблаченій „мѣстной“ системы веденія учебно-воспитательнаго дѣла. А эти „системы“ мѣнялись въ иныхъ семинаріяхъ съ поразительною быстротою—что новый ректоръ, то новая и система. Исторія духовной школы не можетъ сказать „спасибо“ этимъ дѣятелямъ... Все это убѣдительно разъяснено и подтверждено примѣрами у проф. *Н. Н. Глубокова* въ книгѣ: „По вопросамъ духовной школы“. Спб. 1907 г.

примѣромъ исполнительности для всѣхъ, чуждой однако же бездушнаго формализма. Въ вѣстѣ съ этимъ отношеніемъ его къ сослуживцамъ во всѣхъ случаяхъ были проникнуты полною благожелательностію и искренностію, сужденія и бесѣды—правдивостію, отсутствіемъ и тѣни какого-либо лукавства. Правдолюбивая душа его не выносила лжи и лицемерія. Проявленія предъ нимъ съ чьей либо стороны этихъ качествъ нарушали его душевное равновѣсіе, послѣдствія чего и вынуждали испытывать сами же виновники этого. Случаи этого рода бывали. Въ семьѣ не безъ уродовъ. Такимъ оставался почившій святитель и во всю остальную жизнь. Проявленія лживости и лицемерія въ комъ бы то ни было, не исключая и лицъ, занимающихъ высокое положеніе, глубоко возмущали почившаго и вынуждали его говорить обличительнымъ языкомъ древнихъ пророковъ... Поддерживалъ ректоръ и семейныя, дружескія отношенія съ корпораціей, входилъ въ ихъ семейныя нужды, радости и горе, и всегда готовъ былъ помочь, чѣмъ могъ. Живы лица, испытавшія на себѣ это, и потому ограничиваемыя лишь установленіемъ дѣйствительности, не излагаютъ фактовъ.

Въ отношеніяхъ къ учащимся, ректоръ Кратировъ являлся благожелательнымъ отцомъ, готовымъ вникнуть во всѣ нужды и обстоятельства каждаго, каждому—помочь, чѣмъ можно по требованію обстоятельствъ, не только на школьной скамьѣ, но и по окончаніи семинарскаго курса. Многіе изъ нихъ обращались къ нему по выйдѣ изъ семинаріи, лично и письменно, и онъ помогалъ имъ совѣтомъ, покровительствомъ, предъ кѣмъ слѣдовало, и другими способами, въ потребныхъ случаяхъ давая отвѣты и на письменныя обращенія. Но и здѣсь его правдолюбивая душа не терпѣла лукавства, лицемерія, школьнической изворотливости и под. Равно со всею строгостію власти онъ дѣйствовалъ противъ проявленій распушенности, своеволія, упрямой лѣности и т. п. Въ началѣ его ректорства этотъ образъ его дѣйствій встрѣтилъ противо-дѣйствіе въ видѣ грубыхъ, хотя мелкихъ и единичныхъ школьническихъ выходокъ, весьма вѣроятно, что даже и безъ искусственныхъ внѣшнихъ воздѣйствій противъ ректора, какъ „москаля“ (испытывалъ это, какъ „москаль“, и покойный архіепископъ Амвросій); но твердость и послѣдовательность административно-воспитательнаго дѣйствованія, однако-

безъ крайнихъ мѣръ, скоро положили этому конецъ. При всѣхъ возможныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ ректоръ отставалъ и защищалъ честь и достоинство воспитанниковъ семинаріи. Заботами объ огражденіи чести учебнаго зеведенія вызвано было возбужденіе ходатайства, удовлетворенное Св. Синодомъ, о введеніи формы для воспитанниковъ семинаріи. Отсутствіе формы вызвало нерѣдко обвиненія воспитанниковъ семинаріи въ городскихъ безчинствахъ, къ которымъ они являлись совершенно неприкосновенными. Въ одной изъ мѣстныхъ газетъ однажды появилось даже сообщеніе по поводу преступленія (пораненіе револьвернымъ выстрѣломъ), что виновный, „повидимому“, изъ воспитанниковъ семинаріи. Это „повидимому“ было совершенною ложью, но оно вынудило семинарское начальство и правленіе настойчиво желать введенія для воспитанниковъ формы, каковая и была введена, если не въ первой изъ семинарій—въ Харьковской, то во всякомъ случаѣ въ одной изъ первыхъ. Что это должно имѣть и дѣйствительно имѣло добрыя послѣдствія, открывается уже изъ того, что въ настоящее время введена форма почти во всѣхъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, отъ высшихъ до низшихъ, и очень жаль, если бы она была отмѣнена, какъ это будто-бы предполагается, если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ.

Обращено было вниманіе съ самага начала ректорства о. П. А. Кратирова и на состояніе семинарскихъ зданій, какъ главнаго класснаго корпуса, такъ и корпусовъ съ квартирами преподавателей. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ и вообще въ хозяйственномъ отношеніи при его вступленіи на должность тамъ обстояло все благополучно. Скорѣе,—напротивъ... Ректоръ П. А. Кратировъ восстановилъ порядокъ въ семинарскомъ хозяйствѣ и привелъ въ должное состояніе семинарскія зданія. При содѣйствіи преосвященнаго Амвросія, изысканы были имъ средства сначала на капитальный ремонтъ главнаго зданія, устройство каменной ограды съ желѣзной рѣшеткой по фасаду зданія, разведеніе и приведеніе въ порядокъ семинарскихъ садовъ, а затѣмъ почти и вся семинарская усадьба (около 6 десятинъ) была обнесена прочнымъ и высокимъ заборомъ. Семинарія Харьковская находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города—на горѣ (т. н. „Холодной“), возвышающейся надъ всѣмъ городомъ. Для

всѣхъ преподавателей семинаріи, какъ находящейся внѣ городской черты, имѣются казенныя квартиры. Но вмѣстѣ съ удобными и просторными квартирами тогда были и квартиры тѣсныя, съ существенными и другими недочетами, неустраиваемыми силами и средствами ихъ обитателей. Ректоръ вошелъ въ эту нужду своихъ сослуживцевъ и исходатайствовалъ у Св. Синода средства на постройку новаго корпуса для квартиры инспектора и преподавателей, а вмѣстѣ и на капитальнѣйшій ремонтъ имѣвшихся квартиръ. Со стороны пр. Амвросія, онъ не встрѣтилъ противодѣйствія, подписано было имъ (пр. Амвросіемъ) и ходатайство предъ Св. Синодомъ объ отпускѣ средствъ, но и только... Самъ ректоръ нарочито ѣздилъ въ столицу хлопотать объ этомъ, на свои, конечно, средства, и хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Имѣлъ возможность содѣйствовать своимъ вліяніемъ въ Петербургѣ и инспекторъ семинаріи (К. Е. И—нъ). Мало этого. Въ виду, съ одной стороны, сравнительной дороговизны жизни въ Харьковѣ, съ другой — незначительности штатнаго жалованья преподавателямъ духовно-учебныхъ заведеній, имъ изыскана возможность отпускать преподавателямъ натурою и отопленіе (каменный уголь). Въ бытность его ректоромъ семинаріи, его заботами и усиліями построенъ былъ новый обширный корпусъ для общежитія воспитанниковъ семинаріи, обезпечено водоснабженіе семинаріи устройствомъ артезианскаго колодца на семинарской усадьбѣ, пріобрѣтеніемъ потребныхъ механизмовъ и принадлежностей для передачи воды изъ колодца во всѣ семинарскія зданія и преподавательскія квартиры. При немъ же было выстроено свѣтлое и просторное каменное зданіе для образцовой школы при семинаріи на средства, пожертвованныя извѣстнымъ сахарозаводчикомъ, нынѣ умершимъ, И. Г. Харитоненко. ¹⁾

¹⁾ Когда скончался И. Г. Харитоненко, щедрый благотворитель, ректоръ семинаріи И. А. Кратировъ нарочито ѣздилъ на его погребеніе въ г. Сумы, въ благодарность за сдѣланное пожертвованіе на постройку зданія школы при семинаріи. Отпѣваніе совершалъ преосв. Амвросій, близкій къ покойному Харитоненко. Наслѣдники усопшаго благотворителя—миліонера приготовили пакеты съ крупными вложеніями для врученія священнослужителямъ (а ихъ было будто бы до 100 чел.), а болѣе крупными—для врученія и болѣе выдѣляющимся и высокимъ изъ священнослужителей. Ректоръ, И. А. Кратировъ чуть ли не единственный изъ всѣхъ отклонилъ отъ себя врученіе пакета, объяснивъ, что онъ

„Естественно отсюда, что И. А. Кратировъ, какъ ректоръ, пользовался полнымъ авторитетомъ и любовію какъ всей корпораціи, такъ и учащихся. Посѣщеніе имъ въ свободное время той или другой семьи считалось „событіемъ“ и праздникомъ; встрѣчали и принимали его, какъ почетнѣйшаго и дорогого гостя. Когда исполнилось 25-лѣтіе его ученой службы, корпорація въ знакъ глубокаго уваженія и признательности просила его принять отъ нея нравственно-цѣнное приношеніе (Библія съ картинами Доре,—роскошное изданіе въ соотвѣтствующемъ переплетѣ) ¹⁾; а когда онъ оставлялъ семинарію, то воспитанники семинаріи, прощаясь, многіе со слезами, поднесли и просили принять на молитвенную память цѣнный образъ Спасителя, а корпорація служащихъ—цѣнный альбомъ художественной работы (Хлѣбникова въ Москвѣ) съ фотографическими катрочками служащихъ семинаріи и ихъ семействъ ²⁾.

ѣхаль отдать почившему долгъ за сдѣланное имъ *для семинаріи*, и не хорошо было бы принимать пакеть *лично для себя*... Это намъ извѣстно изъ хорошихъ источниковъ. Безкорыстіе—тоже одна изъ отличительныхъ особенностей почившаго святителя.

¹⁾ Это было для покойнаго полною неожиданностію. Онъ тщательно умалчивалъ о днѣ своего 25-лѣтія и былъ въ полной увѣренности, что никому до этого нѣтъ дѣла и никто не интересуется и не знаетъ этого дня.

²⁾ Супругою одного изъ преподавателей (А. С—ой) были выражены „Мысли, вызванныя отъѣздомъ всѣми почитаемаго о. ректора“, въ такомъ стихотвореніи:

„Было у насъ лѣто,
Солнышко свѣтило;
Всякую былиночку
Грѣло и живило.

—
Все больное, слабое
Подъ его лучами
Съ обновленной силою
Встало передъ нами.

—
Всѣхъ любило солнышко,
Всѣхъ оно ласкало;
И тепло, и весело
Всѣмъ при немъ бывало.

—
Миновало лѣто,
Осень появилась;
Грѣть чужую сторону

Съ обязанностями по должности ректора Харьковской семинаріи И. А. Кратировъ десять лѣтъ несъ на себѣ обязанности редактора журнала „Вѣра и Разумъ“. Эти послѣднія особенно много требовали и труда и времени, не обходились и безъ огорченій ¹⁾. На немъ въ особенности лежала обязанность пріискивать сотрудниковъ журнала и предварительно прочитывать статьи, посылавшія въ редакцію для печатанія. Однако ни одна статья не могла быть напечатана въ журналѣ безъ предварительнаго согласія или одобренія основателя журнала—преосв. Амвросія. Непригодныя для журнала статьи вовсе не слѣдовало ему представлять, но предложенныя редакторомъ къ печатанію—почти всѣ обязательно, и съ заключеніемъ редактора. Преосвященный Амвросій былъ критикъ очень строгій, дѣлавшій, помимо отказа въ печатаніи, замѣчанія на самыхъ рукописяхъ авторовъ, нерѣдко ученыхъ и пріобрѣтшихъ имя въ литературѣ, особенно когда чѣмъ-либо или кѣмъ-либо испорчено было его мирное настроеніе. Приходилось считаться съ этими настроеніями и официальному редактору. Едва-ли нужно говорить, какого умственнаго напряженія, сколько осторожности и такта требовалось отъ редактора и по отношенію къ неофициальному редактору и къ авторамъ, посылавшимъ ма-

Солнце удалилось.

Ахъ, зачѣмъ не птицами
 Всѣ мы родились?
 Мы-бъ тогда за солннышкомъ
 Всюду погнались.

Подъ его лучами
 Стали бы порхать.
 Чтобъ не могъ насъ вѣтеръ
 Съ бурей поломать“.

Стихотвореніе это найдено въ бумагахъ покойнаго по его смерти. Приведено не полностью.

¹⁾ Между прочимъ, трудъ редактора оплачивался тогда ничтожнѣйшимъ образомъ—300 руб. въ годъ, но ректоръ никогда не возбуждалъ и вопроса объ увеличеніи редакторскаго гонорара. Заявлять о возвышеніи вознагражденія онъ считалъ по меньшей мѣрѣ не деликатнымъ, а другіе, очевидно, не находили это необходимымъ... Кажется, съ 1896—1897 г. увеличенъ редакторскій гонораръ вдвое,—до 600 руб.

теріалы для журнала. Бывали случаи, при возвращеніи авторамъ рукописей, что оффиціальному редактору приходилось вычищать резиною карандашныя помѣтки на нихъ неофициальнаго редактора, не безобидныя для авторовъ. Академическая служба и связи съ корпораціей Московскоіи академіи много помогли И. А. Кратирову въ дѣлѣ редакторства. Многіе изъ профессоровъ Московскоіи академіи охотно посылали свои труды для печатанія въ Харьковскій журналъ ¹⁾. Привлечены были къ участию въ журналѣ и многія другія лица съ извѣстнымъ въ наукѣ и литературѣ именемъ ²⁾. За время редакторства И. А. Кратирова журналъ высоко стоялъ; все лучшее, что появилось въ журналѣ, цѣнное въ научно-богословскомъ и философскомъ отношеніи, появилось въ немъ преимущественно въ это время. Въ настоящее время журналъ далеко совсѣмъ не то, чѣмъ былъ тогда... Самъ широко просвѣщенный И. А. Кратировъ умѣлъ, насколько зависѣло отъ него, привлечь къ журналу ученныя силы. „Независящія“ обстоятельства однако нерѣдко примѣшивались къ дѣлу, и устранить ихъ далеко не всегда оказывалось для него возможнымъ. Не по его винѣ или недосмотру, а по мимо его и противъ его желанія, могли появляться, хотя и съ подписью подъ журналомъ его имени, напр., такія произведенія, какъ извѣстный плагиатъ „Язычество и іудейство ко времени земной жизни Спасителя“ ³⁾ (В. и Р. за 1886 и 1887 г.г.) или „Э. Ренанъ и его новѣйшіи русскіи критикъ“ (за 1893 г.),—статья, въ которой „плагиаторъ“ довольно прозрачно выдалъ свой нравственный об-

¹⁾ Въ журналѣ за это время помѣщаются были труды профессоровъ Московскоіи академіи: Е. В. Амфитеатрова, А. Д. Бѣляева, В. Н. Потапова, А. И. Введенскаго, В. Д. Кудрявцева, П. И. Горскаго, И. Н. Корсунскаго, А. В. Мартынова, Соколова П. П., Татарскаго І. А., Цвѣткова П. И., Шостына А. П.

²⁾ Напр. архим. Борпсъ, профессора: Бузескулъ, Наллеръ, Глубоковскій Н. Н., Деревницкій, Зеленогорскій, Линницкій, Остроумовъ М. А., докторъ медицины Глубоковскій М. Н. и мн. др.

³⁾ Подлинный авторъ труда подъ этимъ заглавіемъ—нѣмецкій пасторъ Зейдель, а Харьковскій православный протоіерей выдалъ ее за свое произведеніе. Въ свое время эта некрасивая псторія раскрыта была въ печати. См. объ этомъ въ Странникѣ, 1888 г., мартъ, и 1898 г. янв.—въ Церк. Вѣстн. 1888 г. № 4. Сн. Прав. Соб. 1908 г. май, въ проток. совѣта Каз. акад.

ликъ. Само собой понятно, что говоря это, мы не думаемъ умалять значенія и трудовъ для журнала самого преосвященнаго Амвросія; а его слова, рѣчи и бесѣды, незамѣнно помѣщавшіяся въ журналѣ, и сами по себѣ составляютъ глубокія по христіански—философской мысли, образцовыя по изложенію, вразумленія, наставленія, разъясненія, къ которымъ въ свое время прислушивалась вся образованная Россія. Нынѣ уже нѣтъ такихъ „словъ“ въ „Вѣрѣ и Разумѣ“, да гдѣ и они есть?..

Какъ предсѣдатель Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, ректоръ прот. И. А. Кратировъ не мало потрудился надъ организаціей церковныхъ школъ обширной епархіи, хотя по особымъ мѣстнымъ причинамъ, отъ него независѣвшимъ, не могъ поставить, при всемъ желаніи и условіяхъ, богатую Харьковскую епархію на одно изъ первыхъ мѣсть по отношенію къ количественному и качественному состоянію ц.-приходскихъ школъ. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что тогда какъ если не въ большинствѣ, то во многихъ епархіяхъ происходили изъ за народныхъ школъ препирательства между разными вѣдомствами, доходившія нерѣдко до явнаго обостренія отношеній и открытой борьбы, ничего подобнаго не было въ Харьковской епархіи въ бытность ректора прот. Кратирова предсѣдателемъ совѣта. Онъ держался того убѣжденія, что для всѣхъ учрежденій и лицъ, трудящихся въ пользу народнаго образованія, дѣла довольно, дѣла святаго и великаго, и потому не должно быть основаній и причинъ къ соперничеству; напротивъ, полезнѣе для дѣла помогать другъ другу. Это убѣжденіе онъ выражалъ нерѣдко въ свѣтскихъ засѣданіяхъ и соотвѣтственно съ этимъ поступалъ, что, въ свою очередь, располагало къ такому же образу дѣйствій и отношеній и представителей другихъ вѣдомствъ по отношенію къ школамъ церковнымъ. Послѣдніе, начиная съ тогдашняго попечителя округа, и дирекціи народныхъ училищъ, оказывали ему видимые знаки расположенія и уваженія, какъ въ личныхъ отношеніяхъ, такъ и въ служебныхъ ¹⁾).

¹⁾ Должность предсѣдателя епархіальнаго училищнаго совѣта какъ тогда, такъ и доселѣ, оставалась и остается безплатною, хотя расходится

Въ 1888 году протоіеря И. А. Кратирова постигло семейное горе: 5-го сентября скончалась его супруга. Онъ остался одинокимъ (дѣтей у него не было). Грустно и тяжело было это одиночество послѣ свыше 20-лѣтняго супружества. Но Иванъ Александровичъ бодро самъ въ себѣ переживалъ несчастіе; никому не жаловался на свою скорбь, по прежнему несъ свои сложныя обязанности, не переставая быть дѣятельнымъ и подавать другимъ примѣръ исполнительности. Въ скорости послѣ этого начались воздѣйствія на него съ цѣлью склонить его къ принятію монашества и архіерейства. Не разъ приступалъ съ этими предложеніями покойный пр. Амвросій; о томъ же заговаривалъ покойный К. П. Побѣдоносцевъ, преимущественно, во время своихъ проѣздовъ чрезъ Харьковъ. Но о. ректоръ не давалъ на это согласія, ссылаясь на то, что онъ еще не все предположенное успѣлъ сдѣлать для семинаріи, что не чувствуетъ себя и достаточно подготовленнымъ и настроеннымъ къ воспріятію высшей благодати священства и епископскому служенію. Но воля Божія должна была совершиться. Въ 1893 г. на настойчивыя убѣжденія преосвященнаго Амвросія стать его ближайшимъ помощникомъ въ санѣ епископа Сумскаго, викарія Харьковской епархіи, онъ далъ согласіе. 6 марта совершилось постриженіе его въ монашество, съ оставленіемъ имени небеснаго покровителя его, въ мірскомъ его состояніи, а 7-го марта онъ возведенъ въ санъ архимандрита, и въ

весьма значительныя суммы, на центральную администрацію надъ ц.-приходскими школами (въ Петербургѣ) и на наблюдателей. Въ особенности въ *этомъ* „вѣдомствѣ“ почему-то предпочитаютъ нѣкоторыя должности оставлять бесплатными, при хорошемъ вознагражденіи и прогонахъ по другимъ должностямъ. Нѣкоторымъ предсѣдателямъ иногда впрочемъ выдаютъ единовременныя субсидіи, но, кажется, опредѣленнаго закона и порядка относительно этихъ выдачъ нѣтъ; это—дѣло „усмотрѣнія“, быть можетъ—и просьбъ и напоминаній. Понятно, что И. А. Кратировъ не могъ присутствовать до этого.. Его, ректора, редактора, предсѣдателя училищнаго совѣта, даже къ наперстному кресту, выдаваемому нынѣ каждому ректору по возведеніи въ санъ протоіеря, консисторія нашла возможнымъ представить только черезъ 3 или 4 года по вступленіи въ эти должности, когда нѣкоторые ученики его Вологодской и Ярославской семинарій и вмѣстѣ съ нимъ окончившіе только курсъ семинаріи уже имѣли наперстные кресты, а пные—и болѣе высокія награды. Изъ наградъ, даваемыхъ бѣлому духовенству, покойному и дорогъ и цѣненъ былъ лишь этотъ наперстный крестъ...

томъ же мѣсяцѣ (26 марта) состоялось Высочайшее повелѣніе о бытіи ему епископомъ Сумскимъ. При нареченіи своемъ въ епископа (23 апрѣля), онъ говорилъ: „предстою я предъ Вами, верховные архипастыри церкви російской, чтобы торжественно изречь слово послушанія на призваніе моего достоинства къ служенію церкви Божіей въ санѣ епископскомъ. *Благодарю, принимаю и ни мало вопреки глаголю.* Теперь уже миновало для меня время недоумѣній, сомнѣній, колебаній. Устами Вашего Святѣйшества изречена воля Божія, которой подобаешь безусловное послушаніе. Но не скрою отъ Васъ, богомудрые архипастыри, что прежде, чѣмъ позналъ волю Божію о себѣ недостойномъ, мой слабый духъ подвергался не малымъ колебаніямъ. Когда въ первыйъ разъ коснулось моего слуха слово призванія къ епископскому служенію, я приведенъ былъ въ крайнее смущеніе. Служеніе епископское составляетъ трудный подвигъ, подвергаетъ приемлющихъ оное разнымъ ограниченіямъ, лишеніямъ и великой отвѣтственности предъ Богомъ, людьми и собственно совѣстью... Я же до послѣднихъ дней не былъ подвижникомъ, а былъ простымъ работникомъ на нивѣ Господней, и думалъ остаться таковымъ до конца дней моихъ, полагая, что по моимъ силамъ довольно и того служенія, которое я исполнялъ, по приготовленію духовнаго юношества къ служенію пастырскому. Но мужи высокой духовной опытности объяснили мнѣ, что не слѣдуетъ смотрѣть слишкомъ высоко и ставить себя въ рядъ съ великими іерархами церкви Христовой,... что немощи восполняются силою Божіею... Даны мнѣ и другіе совѣты и наставленія, отчасти извѣстные мнѣ и прежде, но въ устахъ духовной мудрости получившіе для меня особую силу убѣдительности и склонившіе меня къ принятію сана епископскаго“ ¹⁾...

Не обширенъ былъ кругъ дѣлъ, ввѣренныхъ епископу Сумскому: управленіе мужскими духовными училищами (собственно—разсмотрѣніе журналовъ училищныхъ правленій) опредѣленіе и постановленіе (хиротесія) на должности низшихъ клириковъ, и кажется, только въ села и уѣздные города, но не въ самый Харьковъ, совершеніе богослуженія, предварительное чтеніе консисторскихъ постановленій и под.

¹⁾ См. Церк. Вѣд. 1893 г. № 18.

Кромѣ того преосв. Іоаннъ продолжалъ оставаться предсѣдателемъ епархіальнаго училищнаго совѣта. Привыкнуши къ дѣятельной жизни, со всѣмъ этимъ онъ легко справлялся; свободное же время употреблялъ на книжныя занятія, находя, что многое нужно ему пополнить въ обширной области богословія, церковнаго права и церковной исторіи. Вмѣстѣ съ этимъ, продолжалъ онъ поддерживать самыя тѣсныя и близкія отношенія съ духовной семинаріей. Понятно, что съ принятіемъ епископства должны были расшириться его связи и отношенія съ свѣтскимъ обществомъ, съ представителями разныхъ правительственныхъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учреждений г. Харькова. Его широкій и свѣтлый взглядъ на текущія событія и злободневныя вопросы, прямота и искренность сужденій, простота и естественность обращенія, исполненныя достоинства, — все это невольно располагало, къ нему; росли уваженія къ нему и авторитетъ его въ духовномъ, и въ свѣтскомъ обществѣ. Поставленный же самымъ своимъ положеніемъ въ необходимость знакомиться съ епархіальною жизнью и дѣлами, онъ имѣлъ возможность въ значительной степени провѣрить разныя разговоры и слухи, передававшіеся въ дружескихъ кружкахъ о теченіи епархіальныхъ дѣлъ и „вліяніяхъ“ на ихъ характеръ и направленіе, и оказывать, соотвѣтственныя съ его убѣжденіями и характеромъ, воздѣйствія: иному помѣшать, иное направить по болѣе правильному пути, иное просто осудить, открывъ кому слѣдуетъ, правду... Казалось бы, что такой-то сотрудникъ для старца-архіепископа, въ то время видимо слабѣвшаго, и былъ нуженъ. Но воля его, какъ харьковцы, и, повидимому, не безъ основаній думали, не была вполнѣ свободною въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ... Совершенно неожиданно, самимъ же старцемъ архіепископомъ приглашенный къ себѣ въ викарію, котораго онъ хорошо могъ узнать за 12-лѣтнюю его службу въ должности ректора семинаріи, и узналъ какъ „добраго и усерднаго сотрудника“, черезъ полтора года со времени возведенія въ санъ епископа Сумскаго, назначенъ былъ (1895 г. 17 янв.) епископомъ Елизаветградскимъ, викаріемъ Одесской архіепископіи!.. ¹⁾ Преосвященный Іоаннъ къ тому отнесся

¹⁾ За время пребыванія на Харьковской кафедрѣ преосв. Амвросія

съ свойственнымъ ему благодушіемъ. Но огорчены и смущены были за него такимъ его перемѣщеніемъ многочисленныя его друзья и почитатели, изъ которыхъ немало было и лицъ высокопоставленныхъ. Повидимому, и въ „высшихъ духовныхъ сферахъ“ чувствовалось что то „неладное“, и въ дѣлѣ перемѣненія бывшаго заслуженнѣйшаго и авторитетнѣйшаго ректора семинаріи, *ни чѣмъ не провинившагося*, на викариатство же ¹⁾. По крайней мѣрѣ почти одновременно съ перемѣщеніемъ въ Елизаветградъ было дано знать пр. Іоанну, что имѣется въ виду въ ближайшемъ будущемъ пригласить его къ высокому и отвѣтственному служенію въ столицѣ... И дѣйствительно, служеніе его въ Елизаветградѣ продолжалось не болѣе полугода (1895 г. 17 янв.—23 авг. того же года), почему перемѣненіе туда скорѣе можно назвать путешествіемъ на морской берегъ Крыма на каникулярное время. Но и за это короткое время служенія онъ стяжалъ самыя искреннія чувства почтенія и расположения паствы ²⁾. Черезъ полгода (23 авг. 1895 г.) онъ назначенъ былъ епископомъ Нарвскимъ, викаріемъ С.-Петербургской епархіи и ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи.

Въ должности ректора столичной академіи преосв. Іоаннъ состоялъ три съ половиною года. Юридическій и административный строй академіи, былъ ему отлично извѣстенъ, и научно-воспитательное дѣло было его родной стихіей. Своему новому служенію онъ отдался всею душой, но привнесъ въ него и свойственный ему „духъ мира и любви“, простоту и искренность, и этимъ способствовалъ поддержанію бодрости въ научной дѣятельности академіи. Онъ дѣлилъ съ ней радости и горе ³⁾. „За эти три съ половиною года его ректорствованія академія наслаждалась благословеннымъ миромъ,

---

(1882—1901 г.) смѣнилось шесть викаріевъ, именно: преосвященныя Геннадій, Петръ (Лосевъ), Владиміръ, Іоаннъ, Петръ (Друговъ), Иннокентій.

1) Вообще, въ этомъ „перемѣненіи“ есть что-то такое темное, загадочное, со временемъ, нужно надѣяться, раскроющееся. Отъ пишущаго сіе въ одинъ важный моментъ даже не дошла до пр. Іоанна въ Харьковѣ телеграмма (объ этомъ онъ самъ говорилъ), чувствуется, имѣвшая отношеніе къ этому дѣлу. Сообщаемое въ ней сдѣлалось извѣстнымъ почившему пр. Іоанну впрочемъ, на нѣсколько часовъ позднеѣ, изъ устъ одного изъ профессоровъ духовной академіи.

2) Бог. энцикл., изд. журн. Странникъ, VII т. 160 стр.

3) Церковный Вѣстн. 1896 г. № 23.

который давалъ ей возможность спокойно шествовать по пути своего историческаго развитія и осуществлять научныя и учебныя цѣли своего назначенія, какъ храма высшей богословской науки“ ¹⁾. Неудивительно, что съ чувствами любви и уваженія прощались ежегодно съ ректоромъ окончившіе курсъ студенты, поднося ректору на память альбомъ своего курса, а когда онъ оставлялъ академію, назначенный епископомъ Саратовскимъ и Царицынскимъ (1899 г. 19 янв.), то студенты, умѣя цѣнить сердечное и отечески участливое отношеніе къ нимъ со стороны начальника, чуждое однакоже всякаго потворства, выразили свое отношеніе къ нему поднесеніемъ изящной панагии. Также относилась къ нему и профессорская корпорація академіи, что выражалось и въ ежедневномъ общеніи съ нимъ и открыто и торжественно по разнымъ поводамъ, а особенно вылилось въ рѣчахъ при оставленіи имъ академіи, во время братской прощальной академической трапезы.

Кромѣ обязанностей ректора и викарія, преосвященный Іоаннъ несъ еще обязанности предсѣдателя нѣкоторыхъ епархіальныхъ комитетовъ и обществъ и наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія въ С.-Петербургѣ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ; а во время предсмертной болѣзни и затѣмъ по кончинѣ преосвященнаго митрополита Палладія и до назначенія нынѣ здравствующаго первосвятителя российской церкви преосвященнѣйшаго митрополита Антонія, состоялъ временно управляющимъ С.-Петербургской епархіей (съ 5 окт. по 5 дек. 1898 г.).

3 февраля 1899 года преосвященный Іоаннъ выбылъ изъ столицы въ Саратовъ, сопутствуемый благожеланіями профессоровъ и студентовъ академіи, прибывшихъ на вокзалъ проводить своего ректора къ мѣсту его новаго служенія, а также своихъ петербургскихъ почитателей, друзей и знакомыхъ.

Не легко было служеніе преосв. Іоанна въ обширной приволжской Саратовской епархіи. Вскорѣ послѣ вступленія въ управленіе епархіей, открылось въ епархіальной жизни нѣчто, потребовавшее неотложно примѣненія рѣшительныхъ воздѣйствій власти епархіальной и высшей. Текущихъ дѣлъ было множество. Помощника въ лицѣ викарнаго епископа пр. Іоаннъ въ первое время вовсе не имѣлъ. Епархіальная

¹⁾ Церк. Вѣстн. 1899 г. № 5.

жизнь выдвигала множество разныхъ вопросовъ и случаевъ, совершенно новыхъ для епископа, служеніе котораго прежде было посвящено преимущественно учебно-воспитательному дѣлу. Неизбѣжно возникали дѣла сложныя, требовавшія совмѣстнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія и епархіальной власти и разныхъ гражданскихъ учрежденій. Приходилось епископу просиживать ночи за этими дѣлами и разыскиваніемъ узаконеній и авторитетныхъ печатныхъ разъясненій, а также и вообще не мало употреблять времени на болѣе широкое ознакомленіе съ каноническимъ правомъ. Для облегченія непосильныхъ трудовъ уже 60-лѣтняго іерарха состоялось назначеніе викарнаго епископа—Гермогена, нынѣ самостоятельнаго Саратовскаго и Царицынскаго епископа. Но на почвѣ переутомленія пр. Іоанна въ Саратовѣ постигла болѣзнь, отъ которой онъ впрочемъ началъ оправляться. Опытный врачъ, лечившій его, надѣялся совершенно возстановить его силы, но неожиданно скончался самъ. Принятый имъ способъ леченія былъ оставленъ. Послѣдовали неожиданно и нравственныя огорченія, исходное начало которыхъ скрывалось тамъ, гдѣ всего менѣе надлежало ему быть. Болѣзнь стала дѣлать свое дѣло. Послѣдовалъ вызовъ его (въ 1902 г. осенью) въ Св. Синодъ, когда состояніе здоровья требовало леченія и особо благопріятныхъ для этого условій. Въ мартѣ же слѣдующаго года послѣдовало освобожденіе пр. Іоанна отъ управленія Саратовской епархіей, съ назначеніемъ его членомъ Московской синодальной конторы и управляющимъ Московскимъ ставропигіальнымъ Симоновымъ монастыремъ (1903 г. 12 марта). Для покойнаго это было полною неожиданностію, а при свойствахъ его болѣзни—всею менѣе „отеческимъ врачеваніемъ“... Онъ лишенъ былъ даже возможности проститься съ Саратовскою своею паствою. Прямо изъ Петербурга отправился онъ въ назначенную ему обитель. Въ Саратовѣ не успѣлъ раскрыться съ достаточною полнотою рѣдкій административный даръ почившаго, но все же обнаружился, почему „духовенство Саратовской епархіи, говорится въ одномъ сообщеніи изъ Саратова, до сихъ поръ съ чувствомъ признательности вспоминаетъ преосв. Іоанна, какъ одного изъ лучшихъ архипастырей, входившаго во всѣ нужды и положенія, особенно сельскаго духовенства“¹⁾.

¹⁾ Колоколь, № 886 за 15 февр. 1909 г.

Тихо и мирно, въ покорности промыслу Божію шла жизнь почившаго въ стѣнахъ пріютившей его Московской обители. Его жизнь здѣсь занята была совершеніемъ богослуженія, посѣщеніемъ засѣданій синодальной конторы, поѣздками въ близкую ему, какъ питомцу, секретарю и почетному члену, Московскую академію на академическія торжества, коллоквиумы и под.. Живя въ монастырѣ, покойный не переставалъ интересоваться новостями въ богословской литературѣ, хотя уже не въ прежней степени, равно и событіями текущей жизни. Нерѣдко навѣщали старца въ его келіяхъ бывшіе его сослуживцы и другіе близкіе люди, равно немногіе оставшіеся въ живыхъ родственники. Всегда онъ бывалъ радъ этимъ посѣщеніямъ, въ бесѣдѣ съ ними находилъ и земную отраду для себя. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время рѣчь его сдѣлалась недостаточно внятною. Братія монастыря, въ которомъ онъ настоятельствовалъ, относилась къ нему съ искренною преданностію и любовію. Покоряла ихъ его доброта, простота обращенія, искренность. Извѣстны были имъ и его заслуги, пока былъ силенъ духомъ и тѣломъ. Они ходили за нимъ и берегли его. Но произошли неожиданныя обстоятельства и для братіи и для самого пр. Іоанна. 5 декабря 1908 г. послѣдовало распоряженіе Св. Синода объ освобожденіи его отъ должности члена Московской синодальной Конторы. Около этого же времени предложено было монастырю приготовить помѣщеніе для пребыванія въ монастырѣ на покой „епископа“. Во исполненіе этого предписанія, могло быть, конечно, приготовлено лишь такое помѣщеніе, каковое возможно приготовить зимой въ наикратчайшій срокъ. Жильцомъ въ этомъ помѣщеніи, какъ потомъ оказалось, предназначался преосв. Іоаннъ. Послѣдовало распоряженіе объ освобожденіи пр. Іоанна отъ управленія Симоновымъ монастыремъ (отъ 4 дек. 1908 г.), — на полный покой, съ представленіемъ ему помѣщенія въ томъ же монастырѣ, даже безъ всякой пенсіи, а лишь съ надеждою, что можетъ быть исходатайствована пенсія, — не „сенаторская“, а лишь въ 1000 рублей, тогда какъ на такую пенсію онъ имѣлъ право еще по должности ректора Харьковской семинаріи, а по должности ректора академіи — и въ гораздо большемъ размѣрѣ. Безропотно поселился бывший ректоръ столичной академіи, временно управляющій и Петербургской епархіей.

почетный членъ двухъ академій, епископъ Саратовскій и Царицынскій въ тѣсныхъ, низкихъ, темныхъ „келіяхъ“... Ни кому ни на что онъ не жаловался и не печаловался. „Случившееся“ могло вызывать и вызывало лишь слезы глубокой скорби при видѣ осужденія на такое „пребываніе на покой“ іерарха, послужившаго церкви свыше 40 лѣтъ... Почившій какъ будто предчувствовалъ все это, когда былъ еще въ полныхъ духовно-тѣлесныхъ силахъ и выражалъ желаніе объ освобожденіи его отъ епархіальной службы и о томъ, чтобы ему на старости лѣтъ дали покой, при условіи лишь назначенія пенсіи по должности ректора академіи... Братія монастыря окружила „епископа на покой“ въ новыхъ „келіяхъ“ заботливымъ уходомъ и попеченіемъ, но ударъ былъ бы тяжелъ и для здороваго человѣка. Началось сразу видимое для всѣхъ, но постепенное угасаніе жизни преосв. Іоанна, при отсутствіи видимой болѣзни. По выраженію бывшихъ въ послѣднее время близкими къ нему иноковъ, въ немъ сразу по поселеніи въ новыя „палаты“, какъ будто „внутри что то оборвалось“; онъ пересталъ принимать лекарства, пищу. Во вторникъ на первой недѣлѣ великаго поста вечеромъ (11 февр.), совершенно было преосвященнымъ Мисаиломъ, управляющимъ Симоновымъ монастыремъ, съ братією обители, елеосвященіе надъ пр. Іоанномъ, а на другой день вечеромъ онъ безболѣзненно, тихо и мирно почилъ до дня всеобщаго воскресенія. Такъ угасла жизнь преосвященнѣйшаго и правдолюбивѣйшаго святителя отечественной церкви, добрѣйшаго человѣка. Не зарытъ былъ имъ въ землю данный ему Богомъ талантъ.

Для близко знавшихъ почившаго архипастыря само собой понятно, что послѣ него не осталось и не могло остаться никакихъ денежныхъ средствъ. Все, что онъ получалъ, раздавалъ неимущимъ, нѣкоторымъ въ видѣ опредѣленныхъ ежемѣсячныхъ выдачъ. Но не любилъ говорить объ этомъ почившій. Это имъ дѣлалось, по заповѣди Спасителя, *въ тайнѣ* (Мѡ. 6, 4). Явными дѣлались лишь членскіе взносы въ разныя благотворительныя и просвѣтительныя учрежденія.

Въ субботу 14 февраля совершенно было погребенія преосв. Іоанна. Покойный самъ сдѣлалъ еще при жизни главнѣйшія распоряженія относительно своего погребенія. Заупокойную литургію и отпѣваніе совершили: преосвященный

Мисаиль, бывшій еп. Олонецкій, преосв. Іоанникій, бывшій еп. Архангельскій и преосв. Григорій, бывшій еп. Омскій, въ сослуженіи о. протопресвитера и сакелларія Московскаго Успенскаго собора, нѣсколькихъ архимандритовъ Московскихъ монастырей, ректора Вологодской семинаріи, нарочито пріѣзжавшаго воздаты послѣдній долгъ усопшему, и брати Симонова монастыря. Изъ остающихся въ живыхъ родственниковъ почившаго не многіе могли прибыть на погребеніе, въ виду отдаленности ихъ мѣста жительства отъ Москвы. Не для многихъ и изъ друзей и почитателей почившаго была возможность прибыть въ Москву. Изъ академическихъ товарищей почившаго нарочито прибылъ поклониться усопшему и помолиться о немъ П. И. Казанскій (профессоръ въ отставку). Обширный храмъ монастырскій былъ полонъ молящихся изъ постоянныхъ жителей Москвы. Надъ гробомъ почившаго произнесъ теплое, душевное слово преосвященный епископъ Мисаиль, живыми чертами обрисовавшій свѣтлый образъ почившаго, его разнообразное мудрое дѣланіе на пользу церкви и отечества ¹⁾. Монастырскій хоръ пѣвчихъ усердно и умѣло исполнялъ всѣ церковныя службы. Замѣчательно, тѣло почившаго и въ самый день погребенія имѣло лишь обликъ смерти, но не было нималѣйшаго трупнаго запаха. Погребено тѣло святителя въ склепѣ, въ нижнемъ этажѣ величественнаго зимняго монастырскаго храма. Бѣднымъ, въ память усопшаго, раздана была щедрая милостыня, а священнодѣйствовавшимъ іерархамъ и всѣмъ сослужащимъ отъ присныхъ почившаго, предложена поминальная трапеза въ монастырской столовой.

Миръ праху почившаго! *Да дастъ ему Господь обрѣсти милость отъ Господа въ день онъ* (2 Тим. 1, 18)! Убѣждены, что отъ многихъ сердецъ учениковъ его и почитателей, особенно въ священномъ санѣ, при принесеніи безкровной жертвы, вознесется теплая и умная молитва къ *Первосвященнику во вѣкъ, Который спасти до конца можетъ проходящихъ чрезъ Него къ Богу, всегда живъ сый, во еже ходатайствовать о нихъ* (Евр. 7, 24—25).

Протоіерей Н. Малиновскій.

¹⁾ Это слово преосв. Мисаила напечатано въ Московск. Церк. Вѣд. 1909 г. № 8.